

РАСКОЛЬНИКОВ И СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Введение

Первое упоминание о романе "Преступление и наказание" в словенской публицистике отмечено 1881 годом, когда центральный литературный журнал "Люблянский колокол" напечатал некролог Ф.М.Достоевскому. С другими произведениями русского писателя словенские читатели встречались в конце XIX века в основном в немецких переводах. Так, в письме, датированном 1883 годом, к своей возлюбленной, учительнице Марице Надишек, матери Владимира Бартола, известный словенский реалист Янка Керстник сообщает, что вышлет ей немецкий перевод из Достоевского. Спустя пять лет Надишек в форме письма подруге достаточно патетично написала резюме романа "Преступление и наказание" на основании перевода, высланного ей Керстником, для выходящего в Триесте журнала "Slovjanske svet". Особый интерес представляют в этом резюме читательские ощущения автора. Учительница несколько раз с возмущением оставляла роман и все же каждый раз возвращалась к нему.

Первый серьезный анализ "Преступления и наказания" был представлен словенским читателям в 1907 г. журналом "Slovenski parod", опубликовавшим объемный реферат под названием "Достоевский и Раскольников", где автор сопоставляет холодную прагматику разума героя и его совесть. Автор считает, что Раскольников в своем сердце уже носит судьбу следователя, поэтому и Порфирий Петрович имеет такую адскую власть над ним. Автор удивлен тем, что даже при помощи своего ангела-хранителя, Софьи Мармеладовой, герой слишком быстро обретает Бога.

1. Сосед Лука

Среди знаменитых словенских читателей Достоевского на рубеже XIX и XX вв. был и Иван Цанкор (1876-1918), который в

нескольких письмах к своему двоюродному брату, ксендзу Изидору Цанкору, рекомендовал романы русского реалиста. Хотя речь главным образом шла о "Братьях Карамазовых", содержание письма дает понять, что ему была известна и судьба Раскольникова.

Очевидно, важно отметить и тот факт, что некоторые ранние произведения Цанкора на взгляд его современников были созданы под влиянием творчества Достоевского, литературоведы особенно обращали внимание на схожесть концепций образов Раскольникова и Луки — главного героя "Соседа Луки" из "Крестьянских рассказов" Цанкора. Оба произведения анализируют душу человека с обремененной совестью (Махнич, 1964). Кажется, что возможна параллель между повестью Цанкора и первой частью романа: в обоих произведениях герои присутствуют при демонстрации чужого накопления и разрабатывают план убийства.

Раскольников уже вначале идет к Алене Ивановне с недорогими отцовскими часами с тем, чтобы узнать или подслушать в момент, когда старуха пойдет за деньгами, где они спрятаны.

И. Цанкор в начале повести описывает крестьянина Андрейца, который в корчме хвалится перед завсегдатаями своим добром и даже задирает публику:

— *Что, если имею? Ты, сирота, спрашиваешь, если имею? На, посмотри! Хорошенько посмотри! Тебе хотелось бы? Хотел бы ты иметь? Хочешь?*

Он растегнул пальто, вынул из кармана сверток ассигнаций и протянул их через стол. Все вдруг замолчали, когда над столом вдруг взметнулись красные бумажки; что-то грязное носилось в сердцах, никто не сказал ни слова.

— *Дай сюда! — засмеялся толстый мужик, но его смех уже не был веселым, а противным и почти злым. Андрейц быстро отдернул руку. Он сжимал банкноты в кулаке, но в карман их не засовывал...* (И. Цанкор, 19).

Раскольников долго готовил задуманное, посещая старуху с единственной целью: подробно осмотреть квартиру. Окончательное решение убить он примет, когда узнает, в какое время старуха будет дома одна. Между тем Лука очень неуклюже размышляет об убийстве, в то время как Раскольников имеет точно обдуманый план незаметного прихода в квартиру и убийства старухи

острым топором. На этом сюжетная параллель прекращает свое существование, поскольку Лука только размышляет об убийстве Андрейца и краже денег. Так же, как и другие, Лука видит деньги Андрейца. Когда пьяный крестьянин уходит из корчмы, в голове у Луки зарождаются такие мысли, словно уже в корчме он был "запрограммирован" на выполнение предназначения.

Если подумать хорошенько: камнем его ударю, большим, круглым камнем, подходящим для этого. И забуду о камне. Что бы его убить кулаком? Долго бы говорили об этом. Это и опасно. Какой мелкий... и какой пьяный... не слабый... и жизнь есть жизнь, или еще: заяц бы бранился, если б знал как (Цанкор, 19).

Испугавшись собственных мыслей, он ударяет рукой о камень, и у него течет кровь. Долгое омовение рук напоминает длительное смывание крови с топора Раскольниковым перед тем, как покинуть место преступления. Андрейца и в самом деле кто-то убивает, но смущенный Лука публично объявляет убийцей себя. Такой поступок также может быть навеян "Преступлением и наказанием", ведь Николай признается Порфирию, что в помрачении ума убил Алену Ивановну и Лизавету, что позже опровергнет следствие. Между тем, если Лука признанием стремится публично покаяться в страшных мыслях об убийстве, то взгляд Раскольникова на содеянное другой. Как записал Томо Вирк (1997: 565), герой не каялся в преступлении, он каялся в своем раскаянии, в своей нечистой совести.

2. Деяние

В 1908 г. "Преступление и наказание" наконец-то вышло и в словенском переводе Владимира Левстика (1886—1957), который перевел на словенский язык большинство произведений Достоевского. К пятидесятой годовщине смерти русского романиста переводчик написал следующие слова: "Во время перевода я постоянно, даже во сне, спорил с самим собой по вопросу, отвечает ли индивидуум перед кем-нибудь. И листов, на которых я записывал ответы, накопилось, кажется, больше, чем рукописи перевода. Если бы не было убийства безвинной Лизаветы, я никогда бы не простил Родиону Раскольникову его раскаяния. Короче говоря, роман

Достоевского для меня явился последней вехой в многоактном периоде анархо-индивидуалистического видения мира, которое оставило в моем мироощущении глубокие следы. Должен сказать, что меня ни один роман Ф.М. Достоевского так глубоко не тронул, как "Преступление и наказание".

Роман действительно имел огромное влияние на творчество В. Левстика. Уже Игорь Грдина (1992: 166) считал, что словенский писатель опирался на произведения Достоевского, особенно при создании своего раннего романа "Деяние", где под влиянием европейской тоталитарной действительности описывает политическую ситуацию в некотором вымышленном государстве Силвани. В стране царит хаос, партии борются за власть, молодой поэт Сергей Христов пишет трагедию под названием "Деяние", ее идею сам поэт рассказывает так:

Человек постоянно попадает в зависимость от деяния. Все споры о добром и злом началах его деяний уходят в далекое прошлое. Существуют, страшнее неправды, следствия злых в прошлом дел. Человек, народ, общество не могут их терпеть, но и разрешить по-другому, нежели деянием, не могут, но деяние снова несет с собой дождь, зло и наказание. Свобода всегда покупается кровью, мир — войной, многочисленными убийствами человек борется за святое право, против насилия, за неприкосновенность своих очагов, защищенность жен и детей, за кусок хлеба и не может победить без зла и насилия (Лестник, 16).

Такой философский дискурс, несомненно, напоминает абзацы из третьей части "Преступления и наказания", когда Раскольников рассказывает тезисы своей статьи "О преступлении". Герой считает, что люди делятся на два класса: низший, обычных людей, и класс настоящих людей. В то время как низший класс живет в послушании, люди высшего класса преступают закон, ведь они разрушают и стараются уничтожить существующее во имя лучшего. Поскольку они направляют мир к высшей цели, у них есть и право на преступления. Христов думает, что убийство разрешено во имя свободы, Раскольников провозглашает мысль, что во имя идеи можно переступить через кровь. Оба героя в качестве обоснования своих мыслей используют насильственные акты исторических личностей. Христов опирается на наглядный пример

пастушонка Давида, Раскольников, в частности, на судьбу Наполеона. "Пастушонок" Христов, к сожалению, выберет неправильный политический лагерь. Фашистский лидер О'Брайн убедит его, что он должен убить его соперника Симоновича, предполагаемого виновника резни членов "Зеленой лиги". Это деяние, по идее, Христова "уничтожает, создавая".

"Преступление и наказание" и "Деяние" объединяет не только общий философский взгляд на проблему убийства, но и логика расследования. Христова, угнетенного после покушения угрозами совести, скоро навестит журналист, ведущий расследование, Франк Урбанус:

В глазах доктора горела жестокая воля. Молчание Сергея становилось более предательским, чем самые неосторожные слова.

— В каком автомобиле? — прошептал он хриплым голосом. — Уже месяц я не сидел в машине. Симоновича не видел дома четырнадцать дней.

Франк Урбанус взглянул на него с изумлением, почти испуганно:

— Что вы говорите? — удивился он. — Четырнадцать дней! А как же в таком случае возможно, что вы вчера вечером на машине приехали в населенный пункт..., застрелили Солона Симоновича на пороге его дома?

Его голос показался молодому человеку не громче дыхания.

— Неправда! Неправда! — застонал Сергей. — Неправда! Вы лжете! Меня там не было, и я его не убивал...

Он затрепетал. И как раз в этот момент случилось то, чего он меньше всего ожидал: к удивлению в лице Франка присоединилась дрожь затаенного торжества. Отвратительные черты его ликовали. И в то же время в них была какая-то жалость, когда он выдохнул молодому человеку:

— Не нужно, господин Христов, возьмите себя в руки... Кто сказал, что вы его убили?

— Вы... — едва слышно выдавил из себя Сергей. — Вы сказали.

— О нет! — торжественно прошептал журналист "Республики". — Я ничего не говорил, только шевелил губами... Все, что вы слышали, говорила ваша собственная совесть" (Левстик, 99).

В этом диалоге легко узнаются длинные разговоры Раскольникова с Порфирием Петровичем, особенно в шестой части романа, когда следователь обвиняет Родиона в убийстве Алены

Ивановны и Лизаветы, а Раскольников шепчет, что не убивал их. В обоих произведениях играют важную роль глаза следователя.

Левстик использует и психологический метод следователя, когда Христова допрашивает прокурор Текстор. Когда начинает казаться, что вследствие ложных свидетельств и неожиданного исчезновения Урбануса обвиняемый будет оправдан, Христов все-таки признается в убийстве Симоновича, ведь любовь к Кае не позволит ему воспользоваться алиби, которое предлагает ему куртизанка, заявив, что ночь он провел с ней. В конце бесед с Порфирием Петровичем ведь и Раскольников сам признается, что убил старуху и ее сестру и тоже под влиянием Сони Мармеладовой. В обоих произведениях признание героя связано с отношением к любимой женщине.

При этом стоит обратить внимание на высказывание Павла Зибаря, что он отказывается от всех интервью, потому что в журналах он видит полицейских или пронизательного Порфирия из "Преступления и наказания" (Pibernik, 1983, 209).

3. Моя семья

За несколько лет до этого высказывания Павла Зибаря (1932—1986), неоднократно ссылавшегося на Достоевского, он написал молодежную повесть "Моя семья" (1981), в которой рассказывает историю семьи Зимец. Малолетняя дочка Селена удивит родителей историей об одном студенте, который хотел ее поцеловать в комнате над скрипящей лестницей. Позже станет ясно, что девочка историю просто придумала. Вот как объясняет это отцу-физику ее брат:

Если бы у тебя была память на литературные образы, ты сразу понял бы, как только Селена начала рассказывать про деревянный дом с внешней лестницей, балконом, десятиваттной лампочкой, комнатой три на три метра, напоминающей шкаф или гроб, вонью от помоев..., что это реквизиты романа "Преступление и наказание". Селена, если хочешь знать, читала Достоевского, это ясно как на ладони.

История Раскольникова ее тронула, ведь женское сердечко всегда полно жалости, судьба Сони из той же серии, если ты помнишь ту девушку, которая пришла к Алеше (Sic!) Раскольникову (Зибар, 38-39).

Мы имеем дело с аллюзией из третьей части романа, когда бедно одетая Соня Мармеладова навещает Раскольникова, с тем чтобы пригласить его на похороны отца. Герой "Преступления и наказания" живет в повседневной семейной жизни героев словенского произведения, что говорит о его популярности в Словении, а также актуальности и в наши дни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Dostojevski F.M., 1979, Zlocin in kazen. Prevedel V.Levstik. Ljubljana.
Dostojevski F.M., 1997, Zlocin in kazen. Prevedel M.Poljanec. Ljubljana.
Cankar I., 1973, *Sosed Luka*, Zbrano delo. № 18. Ljubljana.
Levstik V., 1992, *Dejanje*, Zbirka Slovenska povest. № 14. Ljubljana.
Zibar P., 1981, *Moja družina*. Ljubljana.
Bajt D., 1982, *Prevajalska nacela Vladimirja Levstika. Iz zgodovine prevajanja na Slovenskem*, Zbornik Društva slovenskih književnih prevajalcev. № 5-7.
Grdina I., 1992, *Vladimir Levstnik in njegovo Dejanje*, Dejanje. Ljubljana.
Juvan S., 1982, Dostojevski in Cankar. Primerjava nekaterih njunih del: Diplomsko delo na Oddelku za primerjalno književnost in literarno teorijo.
Kos J., 1987, *Primerjalna zgodovina slovenske literature*. Ljubljana.
Mahnic J., 1964, *Obdobje moderne*, Zgodovina slovenskega slovstva. № 5. Ljubljana.
Pibernik F., 1983, Pavle Zibar. Cas romana. Ljubljana.
Virk T., 1997, *Zlocin je kazen*, Dostojevski. Zlocin in kazen. Ljubljana.
Zabukovec-Pustavrh Z., 1983, *Zacetni odmevi Dostojevskega pri Slovencih: Diplomsko delo na Oddelku za primerjalno književnost in literarno teorijo*.